

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»

Факультет истории и международных отношений

Кафедра всеобщей истории и международных отношений

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ИССЛЕДОВАНИИ И ПРЕПОДАВАНИИ
НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

Материалы Всероссийской научно-практической конференции,

24 ноября 2010 г.

Рязань 2010

ББК 63.3(0)4+63.3(0)5

C568

Рецензенты:

П.В. Акульшин, доктор исторических наук, профессор РГМУ имени И.П. Павлова.

А.Ф. Азарев, доктор исторических наук, профессор РГУ имени С.А. Есенина

C568 **Современные тенденции в исследовании и преподавании Новой и новейшей истории зарубежных стран: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 24 ноября 2010 г. / отв. ред. И.М. Эрлихсон, Ю.И. Лосев ; Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина.- Рязань, 2010. – 284 с.**

ISBN 978-5-88006-655-1

В настоящий сборник вошли тексты докладов и сообщений участников Всероссийской научно-практической конференции «Современные тенденции в исследовании и преподавании Новой и новейшей истории зарубежных стран», состоявшейся в Рязанском государственном университете имени С.А. Есенина 24 ноября 2010 года.

Предназначен для специалистов-историков, преподавателей школ и вузов, студентов и аспирантов исторических факультетов.

Новая и новейшая история, история международных отношений, история Великобритании, историография.

ББК 63.3(0)4+63.3(0)5

Редакционная коллегия:

И.М. Эрлихсон, д-р ист. наук, доцент (ответственный редактор)

Ю.И. Лосев, д-р ист. наук, профессор (ответственный редактор)

В.В. Аболмасов, канд. ист. наук, доцент

М.В. Жолудов, канд. ист. наук, доцент

Б.В. Сафронов, канд. ист. наук, доцент

ISBN 978-5-88006-655-1

© Эрлихсон И.М., Лосев Ю.И., отв. ред., 2010
© Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», 2010

Восточного Берлина устремились к пограничным переходам, чтобы «спонтанно протестировать новые правила для поездок».

К полуночи скопились десятки тысяч людей, и, чтобы снять напряжение, переходы были открыты. Только за ночь в Западном Берлине побывало около 60 тыс. граждан ГДР. 10 ноября восстановить пропускной режим не удалось. Берлинская стена пала. Граница ГДР оказалась открытой.

Как видим, завязкой к решающим событиям стала случайность. 10 ноября новые правила выезда из ГДР должны были появиться в прессе. Да, возможности выезда расширились, что способствовало бы снятию напряжения, но визовый режим сохранялся. Решительные действия властей позволили бы установить контроль над ситуацией. Пауза охладила бы канцлера Коля, который не прилетел бы 10 ноября в Западный Берлин, как это произошло в действительности. Исход граждан ГДР в ФРГ уже вызвал недовольство у населения ФРГ, так как на их обустройство уходили немалые средства. Наконец, твердые действия властей ГДР, заставили бы М.Горбачева выполнять свои обещания, данные Кренцу 1 ноября 1989 г. в Москве. В противном случае, оппозиция в ЦК КПСС могла бы инициировать его отставку. Учитывая нежелание премьер-министра правительства Великобритании Тэтчер и президента Франции Миттерана поддерживать германскую политику Коля, процесс объединения ФРГ и ГДР не получил бы в 1989 г. развития. К тому времени новый глава правительства ГДР Модров, пользовавшийся авторитетом у граждан, смог бы отладить функционирование экономики ГДР. Экономический крах ГДР не грозил, хотя потребление, скорее всего, снизилось.

В 1990 г. события в ГДР и Восточной Европе могли бы развернуться по иному. Реформирование социализма продолжилось. Этот процесс был объективно необходим. Но он пошел бы не по пути тотальной ликвидации его экономических и социально-политических основ, как это произошло на самом деле, а по пути сохранения своих преимуществ перед капиталистической системой. Разумеется, новому руководству пришлось бы проявить политическую волю, чтобы преодолеть соблазн разрушения. Тем самым, состоялся бы иной вариант в развитии, без тех издержек, потрясений и трагедий, что испытали народы СССР, Центральной и Юго-Восточной Европы.

Субботина А. М. (Ижевск)

Проблемы особенностей модернизации российского крестьянства во второй половине XIX – начале XX века в отечественной и зарубежной исторической литературе

Модернизация как процесс становления институтов современности активно изучается начиная с середины XX века. Россия имеет свой уникальный опыт модернизационных процессов, который осмысливается как отечественными, так и зарубежными исследователями. Большое внимание уделяется трансформации российского крестьянства, которая исследуется в контексте отечественных и общемировых тенденций.

В оценке модернизационных процессов в неевропейских странах долгое время преобладала точка зрения М. Вебера на понимание взаимоотношений традиции и современности. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер отмечает, что традиционализм, являющийся, основным препятствием развития капиталистических отношений, – это такой строй мышления, при котором человек не склонен зарабатывать деньги, хочет просто жить, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. В подобном ключе вопрос об отношении крестьян Востока к инновациям рассматривает Дж. Скотт в работе «Моральная экономика крестьянства». Данный автор отмечает, что понять действия крестьян можно только с позиции их ориентации на безопасное существование и избегание риска. Крестьяне всегда предпочтут традиционную систему земледелия, если сочтут, что она сводит к минимуму риск оказаться за нижней чертой потребления.

В последние десятилетия отмечается изменение подходов к данной проблеме, что, по мнению Н. А. Уваровой, ярко демонстрируют западные исследователи, работающие в русле новой культурной истории. Представители данного направления утверждают, что мир крестьянской культуры в России был способен к самосохранению и постоянному развитию одновременно. Крестьяне сами творили свой мир, понимая его качественное отличие от культуры других представителей российского общества. Подчеркивается, что нельзя сводить историю крестьянства лишь к борьбе за существование. Крестьянское общество, имело различные стратегии для борьбы с трудностями повседневной жизни. Крестьяне смогли создать свою экономику, основанную на балансе сельскохозяйственного и несельскохозяйственного производства. Они так организовали хозяйство семьи и общины, чтобы пользоваться и управлять трудовыми и земельными ресурсами с максимальной выгодой. Крестьянское общество отчасти контролировало распределение земли и другой собственности, браки и процесс деторождения, передачу из поколения в поколение традиций и обычаев, сохраняло крестьянское понимание мира человека и природы. Крестьянство нашло способы решать разногласия внутри своего локального общества, а также пути юридического и политического контакта с «внешним» миром.

Близкий подход представлен в работе Р. Пайпса «Россия при старом режиме» (1993). Оценивая уровень развития российского сельского хозяйства в пореформенный период, исследователь говорит о том, что в отличие от западных стран, где к XVII в. урожайность под влиянием роста городов и рынков сбыта сельхозпродуктов с «сам-третьей» достигла «сам-десять», в России не наблюдалось увеличения урожайности. Однако, по мнению Р. Пайпса, представление о русском крестьянине как о несчастном создании, извечно стонущем и гнувшим спину, чтобы обеспечить себе самое жалкое существование, просто несостоятельно. Он отмечает, что урожайности в сам-3 хватает, чтобы прокормиться самому крестьянину и прокормить население страны, однако цивилизация начинается лишь тогда, когда посеянное зерно воспро-

изводит себя, по меньшей мере, пятикратно; именно этот минимум (предполагая отсутствие ввоза продовольствия) определяет, может ли значительная часть населения освободиться от необходимости производить продукты питания и обратиться к другим занятиям.

Новые подходы к пониманию роли общины в жизнедеятельности крестьянства, а также характера взаимоотношений крестьянства, государства и созданных в ходе реформ Александра II институтов нашли отражение и в современных отечественных исследованиях на общероссийском и региональном уровнях.

Община, ее роль в истории российского крестьянства и всего общества с 1990-х гг. рассматриваются в работах П. Н. Зырянова, Л. В. Даниловой, О. Г. Вронского, М. М. Громыко, Л. И. Кучумовой и др. В. Б. Безгин в исследовании «Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века)» (2004) отмечает, что русская деревня до начала XX в. оставалась носителем традиционной культуры. Ревностное соблюдение традиций, настороженное отношение к новому отвечали потребностям самосохранения и воспроизводства традиционной системы отношений. Приемы обработки земли и выбор сельскохозяйственных культур были подчинены стремлению минимизировать степень хозяйственного риска. Агротехнические новации рождались на основе индивидуального опыта. Преобразуя их в традицию, община создавала условия для ее распространения. Рационализацию крестьянского производства сдерживала, но не препятствовала система общинного земледелия. Традиционная трехпольная система была восприимчива к системному преобразованию. Сокращение размера крестьянских наделов, по причине численного роста сельского населения, вызвало объективную потребность в интенсификации аграрного производства. Препятствием в этом процессе выступала бедность крестьянских хозяйств. Столыпинское землеустройство, по мнению исследователя, создавало условия для рационального и эффективного землепользования и там, где община оказывала поддержку, оно шло успешно. Преобладание череспоселосного укрепления наделов свидетельствовала о неготовности крестьян перейти к индивидуальному землевладению и стремлению сохранить общинные гарантии социальной защиты. Подъем крестьянского производства в 1910-е гг. стал следствием благоприятного сочетания объективных условий. Развитие товарно-денежных отношений и влияния городской культуры вносили в крестьянскую повседневность существенные перемены. Успех участковой агрономии явился следствием потребности крестьянства в интенсификации своих хозяйств. Вхождению российской деревни в рынок способствовала сельская кооперация.

Т. В. Шатковская в работе «Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропологии» (2000) указывает, что в процессе адаптации к окружающей среде в российском менталитете соединились стремление вести собственное хозяйство с тенденцией к коллективизму. Община, как единственный гарант выживания крестьянского сообщества, довлела над всеми сферами народного быта. Взаимосвязь между

членами «мира» имела не только хозяйственные, но и духовные корни, закреплённые наследием и традициями предков. Общинный тип сознания, приоритет коллективных интересов над личными, неразвитость отношений собственности, круговая порука, специфика семейного строя, фискальный характер правительственной политики, длительное господство крепостничества – все это закрепило в российской действительности специфический крестьянский образ жизни и привело к формированию особых народных правопредставлений. Народные правовые принципы, по мнению данного автора, характеризовались коллективизмом, уравнительностью и стремлением к социальной справедливости, что противоречило идеологии официальных законов, ориентированных на индивидуализм, общественное и экономическое неравенство. К концу XIX в. в крестьянском правовом быту возник конфликт между новыми социально-экономическими отношениями, быстро вторгавшимися в народную среду, законами, не соответствовавшими строю крестьянской жизни, и традиционными правовыми обычаями, не адаптированными к реальности.

А. В. Ефременко в исследовании «Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины» (2002) приходит к выводу о том, что земства «как могли, учитывали крестьянский менталитет и старались совместить оба пути общинного развития: индивидуализм и коллективизм». Сочетая в себе коллективное землевладение и индивидуальное землепользование, крестьянские общины при помощи земств могли переходить к новым формам хозяйствования и в то же время продолжать оставаться условием жизнедеятельности для тех своих членов, которые не были защищены от конкуренции. Исследователь поддерживает точку зрения Кимитаки Мацузато о нацеленности земской агрономической помощи на коллективный выход из аграрного кризиса, что давало ей огромный потенциал в умеренной модернизации крестьянских хозяйств для более или менее безболезненного их вхождения в рынок. Напротив, по мнению А. В. Ефременко, столыпинское правительство повело борьбу с самой общиной, а точнее, с ее обитателями, что и привело к ее неудаче. Земства же старались исправить недостатки столыпинской реформы, указывая путем агрономической помощи реальное решение земельного вопроса.

Таким образом, модернизационные процессы в среде российского крестьянства во второй половине XIX – начале XX века привлекают активное внимание как отечественных, так и зарубежных авторов. Помимо запаздывания по отношению к странам Запада, отмечается возможность трансформации с учетом собственной традиции, хранителем которой выступала община.

Работа выполнена в рамках проекта «Удмуртское крестьянство: нравственные императивы и культура взаимодействия с природной и социальной средой», программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».